О. А. Туфанова

МОТИВ «СОДОМА И ГОМОРА ОСТАВШУЮ ГЛАВНЮ...» В «ТАК НАЗЫВАЕМОМ ИНОМ СКАЗАНИИ»

Художественный мир компилятивного памятника «Так называемое иное сказание» (сокращенно — «Иное сказание»), составленного предположительно в Троице-Сергиевом монастыре из отдельных самостоятельных литературно-публицистических произведений и документов эпохи Смуты в 20-е гг. XVII столетия, пронизан разветвленной системой изобразительно-выразительных средств, большая часть из которых восходит к Священному Писанию.

Библейские метафоры и символы в основном употребляются в 1 части произведения, где речь идет о Борисе Годунове и Григории Отрепьеве, и восходят к «Повести, како восхити…» и «Повести, како отомсти…», легших в основу «Иного сказания». Вслед за первоисточниками библеизмы используются в риторико-идеологическом ключе, что говорит прежде всего о традиционности их включения в историческое полотно. Исключений не так уж и много. Одно из них — метафора, предшествующая называнию имени Лжедмитрия I и предвосхищающая рассказ о его происхождении. Появляется она не в основном тексте, повествующем о деяниях и личности Гришки Отрепьева, а в рассказе о наказании за грехи Бориса Годунова: «И попусти на него врага, Содома и Гомора оставшую главню…»[1].

Сопоставление анализируемого фрагмента с аналогичными в «Повести, како отомсти…» и «Повести, како восхити…» показывает, что библейский образ «Содома и Гомора оставшей главни» отсутствовал в первоисточниках. Как видно из нижеприведенной таблицы, «Повесть, како восхити…» практически полностью дублирует текст «Повести, како отомсти…», наблюдаются лишь незначительные разночтения, связанные либо с перестановкой слов («восхити скифетр Росийския области» — «восхити Росийския области скифетр»), либо с перестановкой слов и введением тавтологии («отмстити пролитие неповинные крови» — «отмстити неповинные пролитие крови кровопролитие»), либо с заменой слова («прочим его родителем образ показати» — «прочимъ его рачителемъ образъ показати»), либо с добавлением уменьшительно-уничижительного суффикса к ранее использованному слову и введением дополнительного родословного указателя («от младыя чади Юшку Яковлева сына Отрепьева» — «отъ младыя чади сынчишка боярского Юшку Яковлева сына Отрепьева»).

«Повесть, как отомсти…»	«Повесть, как восхити…»	«Иное сказание»
«Видев же сия, недреманное всевидящее око Христос, яко неправдою восхити скифетр Росийския области, и восхоте ему отмстити пролитие неповинные крови новых своих страстотерпцов: просиявшаго в чюдесех царевича Дмитрея и царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии, и неистовство его и злоубивство неправедное обличити, и прочим его родителем образ показати, чтоб не поревновали его лукавному суровству. И попусти на него такова же врага и законопреступника, Росийския же области града, зовомаго Галича, от младыя чади Юшку Яковлева сына Отрепьева, яков сам той святоубийца Борис Годунов»	«Видевъ же сия недреманное всевидящее око Христос, яко неправдою восхити Росийския области скифетр, и восхоте ему отмстити неповинные пролитие крови кровопролитие новыхъ своихъ страстотерпцовъ: просиявшаго въ чюдесехъ царевича Дмитрея, и царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии, и неистовство его и злоубийство неправедное обличити и прочимъ его рачителемъ образъ показати, чтобы не ревновали его лукавому суровству. И попусти на него такова же врага и законопреступника, Росийския же области града зовомаго Галича, отъ младыя чади сынчишка боярского Юшку Яковлева сына Отрепьева, яковъ и самъ той святоубийца Борисъ Годуновъ»	«Видевъ же сие всевидящее недреманное око Христосъ, яко неправдою восхити скипетръ Росийския области, и восхоте ему отомстити пролитие неповинные крови новыхъ своихъ страстотерпцевъ, просиявшаго въ чюдесехъ царевича Дмитрия, и царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии, и прочихъ неповинно отъ него избиенныхъ, и неистовство его и злоубийство неправелное обличити и прочимъ его рачителемъ образъ показати, чтобы не ревновали его лукавому суровству. И попусти на него такова же врага, Содома и Гомора оставшую главню, или глаголю непогребенаго мертвеца, чернца, — по Ивана Лествичника слову: ”всякъ чернецъ преже смерти умреть, гробъ себе келию обретъ” — глаголю убо, законопреступника ростригу Гришку Отрепьева, родомъ Росийския же области, града зовомаго Галича, отъ младыя чади Юшку Яковлева сына Отрепьева, яковъ самъ той святоубийца Борисъ Годуновъ» (17)

Те же приемы стилистической правки наблюдаются и в тексте «Иного сказания», но здесь есть и существенное отличие: составитель расширил список новых страстотерпцев за счет указания на «прочихъ неповинно отъ него избиенныхъ», а также ввел дополнительные символические образы, которые отсутствуют и в «Повести, како отомсти…», и в «Повести, како восхити…», — образы «Содома и Гомора оставшей главни», «непогребенаго мертвеца, черньца» и слова Иоанна Лествичника.

На целый ряд текстологических изменений, которые претерпела «Повесть, како отомсти…» и в «Повести, како восхити…», и в «Ином сказании», указывали В. И. Буганов, В. И. Корецкий, А. Л. Станиславский в статье «"Повесть како отомсти" — памятник ранней публицистики Смутного времени»[4]. Однако названные выше изменения не были ими отмечены. Вместе с тем, как нам представляется, они свидетельствуют об особой авторской интерпретации образа Лжедмитрия I в тексте «Иного сказания». Тем более эта интерпретация становится заметной, если учесть, что другой, также восходящий к Библии образ змия появляется во всех трех памятниках в одном и том же контексте. В связи с этим возникает вопрос: какова цель введения образа «Содома и Гомора оставшей главни» — случайность это, продолжение хорошо просматриваемой в повестях-первоисточниках древней литературной традиции маркирования персонажей и вписывания их в контекст мировой истории и только или особый авторский прием?

При детальном рассмотрении особенностей повествования в «Ином сказании» выясняется, что ветхозаветные сюжеты и образы в памятнике служат для компилятора либо основой повествовательных моделей[5], либо предопределяют ведущие мотивы в развитии того или иного образа исторического лица. При этом сам восходящий к Библии мотив получает весьма тонкое и не всегда заметное с первого взгляда развитие.

Именно так использована в тексте «Иного сказания» метафора ««Содома и Гомора оставшей главни», вырастающая до одного из главных мотивов в развитии образа Гришки Отрепьева. Это находит выражение прежде всего в том, что составитель не только сопоставил Лжедмитрия I с жителями древних городов, но и всю характеристику персонажа построил по аналогии с ветхозаветными текстами.

Согласно Книге Бытия, Господь истребил Содом и Гоморру, поскольку это были самые нечестивые города на земле. Ветхозаветные и новозаветные тексты содержат развернутые характеристики жителей этих городов, которые повторяются на уровне устойчивых мотивов в «Ином сказании» при характеристике личности Лжедмитрия I.

Однако то, что в Библии было отнесено ко всем жителям нечестивых городов, в «Ином сказании» концентрируется вокруг одного персонажа, который и предстает в символическом плане как их потомок или последователь.

Одна из первых характеристик в Библии гласит: «Человецыже иже в содомѣ зли, и грѣшни пред богомъ зѣло»[6] (Бытие 13: 13). Аналогичную постоянную характеристику получает и Гришка Отрепьев в тексте памятника XVII века: «А онъ зломысленный…» (26), «поиде злонравный…» (26), «И тако злонравный отъ злаго своего злохитрства и суроваго обычая Гришка Отрепиевъ…» (32) и др.

Более пространная характеристика жителей Содома и Гоморры содержится в Книге пророка Иезекииля: «обаче се бе законіе съдомы сестры твоея, гордость въобъяденіи хлѣба, ивъизъобиліи вина ивъпраздности напиташесята <…> и руки оубогому и нищему неподаху и величахуся, исътвориша безаконія предомною, и отвръгох я яко видѣ» (Иезекииль 16: 48—50).

Те же самые негативные качества присущи, согласно «Иному сказанию», и Лжедмитрию I. Точно так же составитель обвиняет его в гордости, когда говорит о том, что Гришка Отрепьев добровольно покинул иноческий чин и возжелал власти, приняв на себя имя царевича Дмитрия: «нача въ безумии своемъ возноситися и впаде въ прелютую ересь…» (18).

Немилосердие жителей Содома и Гоморры превращается в изображении составителя «Иного сказания» в кровожадность, присущую Отрепьеву: «пролия реки неповинныя християнския крови…» (32), «на кровопролитие тщится, лакати крови християнския и поядати плоти человеческия…» (32), «туне и неповинно кровь нашу проливати» (57) и др.

Во всех деяниях самозванца усматривается установка на убийство, желание истребить. Так, боярина Василия Шуйского, во всеуслышание обличавшего законопреступника, Лжедмитрий I велел «посреде града смерти предати, мечемъ главу ему отсекнути предъ всемъ множества народа» (52). Иноков, которые осмелились вслед за Шуйским обличать ересь расстриги, «повеле … имати, и многимъ различнымъ мукамъ предасть ихъ, и по далнымъ странамъ Росийския области въ темницы затворити многихъ повеле, и съ великимъ утверждениемъ заклепа; а иныхъ безъ милости смерти преда» (54). Женившись на «такову же злохитрену» Марине Мнишек, Лжедмитрий I и вовсе «умысли … маия въ 18 день недельный боляръ и гостей и всехъ православныхъ християнъ побити» (56).

Как и жители Содома и Гоморры, Отрепьев совершал беззакония. Отсюда происходит постоянный эпитет, сопровождающий в памятнике имя Лжедмитрия I, — «законопреступник»: «того законопреступника ростригу … законопреступление его … сущий еси законопреступникъ, рострига, Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ» (51—52); «о бестудномъ своемъ законопреступлении» (52); «еретика и законопреступника» (54); «сущий законопреступникъ и рострига, проклятый еретикъ» (54) и др.

Нечестивости жителей Содома и Гоморры как одной из ведущих характеристик соответствует в тексте «Иного сказания» желание Гришки Отрепьева искоренить в Московском государстве православную веру и ввести католическую: «и обещася Римскому папе верова-ти ихъ Римская вера, именуючи ей правую веру, а православная христианская вера попрати и церкви Божия разорити и вместо церквей костелы созидати» (26); «и нача многия пакости въ царствующемъ граде творити, православному християнству содевати. И тако отпаде отъ православныя веры … и самому образу Божию поругатися, и церкви Божия олтари хотелъ разорити, и монастыри и обителища иноческая раскопати, и православную христианскую веру во отпадшую веру съ собою же равну сотворити, и костелы вместо Божиихъ церквей создати» (55) и др.

Намерение Отрепьева «юнныхъ иноковъ и инокинь по злонравию своему образа иноческаго лишати и во светлыя портища облачати: иноковъ умысли окаянный женити, а инокинь замужъ давати…» (57), растление юных иноков и инокинь [«многихъ черноризицъ юнныхъ осквернилъ, и отроковъ и отроковицъ тако же многихъ растли…» (55)] сродни сексуальной развращенности «блудодействующих» в Содоме и Гоморре (Бытие 19: 4—9).

Описание вероотступничества, как ведущего отрицательного качества в характеристике Лжедмитрия I, встречается почти во всех русских памятниках эпохи Смуты и последующих десятилетий. Исследуя «сакральный мир» самозванца на основе большого количества русских и иностранных источников, В. Ульяновский отметил, что разоблачение антиповедения Лжедмитрия I начал еще Борис Годунов, определив его главную цель как уничтожение православной веры и Церкви при помощи поляков, католиков и еретиков, затем эту идею развил Василий Шуйский, позже восприятие самозванца как «ложного царя, ведомого антихристом, была перенята Романовыми»[7].

Вместе с тем целый ряд иностранных источников о русской смуте отражает иную точку зрения. Так, Элиас Геркман[8] в «Историческом повествовании о важнейших смутах в государстве Русском, виновни-

ком которых был царевич князь Димитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем», отмечал, что заговорщики, во главе которых стояли Василий Иванович Шуйский и его братья, Дмитрий и Иван Иванович, «употребляли средство, которое бывает очень могущественным орудием для низвержения с престола государей и властителей, а именно они обвиняли [Дмитрия] в ереси, в намерении изменить православную веру и вместо нее ввести веру польскую (т.е. римско-католическую)»[9].

Помимо прямых высказываний иностранцев о религиозности Лжедмитрия I, ярким свидетельством в защиту его православности является конфиденциальная переписка Отрепьева с Папой и епископатом Католической церкви в Польше, демонстрирующая исключительно «потребительское отношение Лжедмитрия I к римско-католическому ”священству”», поскольку после традиционных формул верности Римскому престолу в этих письмах неизменно далее «следовали прагматические просьбы»[10].

Многие иностранные авторы отмечали также, что, вступив на престол, Лжедмитрий I весьма сильно изменился в вопросах веры. Например, иезуиты Андрей Лавицкий и Николай Чижовский, находившиеся в то время в Москве, жаловались в Рим «на охлаждение к ним царя, невозможность попасть к нему на прием, общение его с протестантами и российским православным окружением»[11]. Ян Велевицкий[12], ссылаясь на записки отца Каспара Савицкого, писал о том, что, став царем, Лжедмитрий I «О вѣрѣ и религiи католической (вопреки столь многимъ обѣщанiямъ) … мало думалъ»[13], «О папѣ … теперь онъ говорилъ безъ уваженiя и даже съ презрѣнiемъ»[14]. Папа Павел V пытался увещевать его и в письмах, и через посредство Юрия и Марины Мнишек. Кардинал Боргезе, усомнившийся уже в конце 1605 г. в Лжедмитрии I как адепте католицизма в России, позднее пришел к выводу, что он потерял истинное благочестие и не желает вводить в России католицизм[15].

Наконец, еще два факта свидетельствуют о православности духовного мира самозванца: почитание им Курской Коренной иконы Богоматери и неучастие иерархов Русской Православной Церкви в заговорах и низвержении Лжедмитрия I, отсутствие с их стороны обвинений в еретичестве после событий 17 мая 1606 г.[16]

Все эти факты указывают на то, что Лжедмитрий I, подобно тому как когда-то Иван IV, вел свою «азиатскую игру» с папской курией. Но свидетельствуют (прямо или косвенно) о дипломатической игре Лжедмитрия I с Западом исключительно иностранные источники. Русские авторы уже на самом раннем этапе в угоду интересам Васи-

лия Шуйского и позднее — дома Романовых сознательно превращали Лжедмитрия I в еретика и антигероя, имеющего главной целью своей жизни искоренение в Русской земле православной веры. Уже в первых памятниках, отразивших правление Бориса Годунова и Лжедмитрия I, — «Повести, како отомсти…» и «Повести, како восхити…» — последовательно проводится идеологическое низведение самозванца. Составитель «Иного сказания», в основу которого и были положены эти повести, надолго в литературе закрепил мнение о Лжедмитрии I как о еретике, стремящемся уничтожить православие в России, введя значимую вневременную оценку, не подлежащую пересмотру в силу ее сакральности.

Таким образом, упомянутый в начале повествования о Гришке Отрепьеве библейский образ, по сути, предопределяет набор ведущих повторяющихся мотивов, использованных для его характеристики. Выбор же ветхозаветного образа для характеристики Лжедмитрия I во многом объясняется политическими взглядами составителя «Иного сказания», выполнявшего, очевидно, идеологический заказ новой власти. Политическая установка становится более явной при сопоставлении русских и иностранных источников, посвященных одним и тем же историческим лицам. В «Ином сказании» библейские образы и образ конкретного исторического персонажа оказываются тесно связаны друг с другом и опосредованно раскрывают, с одной стороны, авторское отношение к историческим событиям начала XVII века, с другой стороны, выраженные менее явно особенности авторского восприятия событий библейских времен. И в том, и в другом случае демонстрируется негативное отношение составителя «Иного сказания» к злым, гордым, немилосердным, кровожадным, совершающим различного плана мерзости законопреступникам. И если в Библии Содом и Гоморра являются символами разврата и беззакония[17], а сами названия городов стали нарицательными для всякого рода мерзости пред Богом[18], то вполне закономерным кажется обращение составителя «Иного сказания» именно к этим символам для характеристики Лжедмитрия I, поскольку он усмотрел в этих образах, отстоящих друг от друга на много веков, несомненное нравственное сходство. Вероятно, вслед за пророком Иеремией, увидевшем в пророках Самарии и Иерусалима безумие и отождествившем их с Содомом и Гоморрой[19], составитель «Иного сказания» и называет Отрепьева «Содома и Гоморы оставшей главней».

Теперь попробуем разобраться, почему составитель упомянул образ «главни». Самый первый и самый, очевидно, простой ответ напрашивается сам собой. Как известно, нечестие и греховность жите-

лей Содома и Гоморры привели к уничтожению этих городов огнем. Согласно Книге Бытия, «Господь же надождивъ содомъ, и гомор, камы горящіи и огнь от господа сънебеси, и преврати грады и весь предѣл, и все вселеніе въоградѣхъ, и ився живущая въградѣхъ, и все прозябъшее от зьмля» (Бытие 19: 24—25). Об этом же способе уничтожения городов Иорданской окрестности говорится и во Второзаконии: «камык, жупелъ исоль съжже всю земли его, ненасѣется нипрозябнетъ, нивозникнет нанем всякъ злакъ, якоже исъпроврьже содома и гомора и адма исевоима, яже испроврьже господь въярости гнѣва своего» (Второзаконие 29: 23).

Очевидно, составитель «Иного сказания» включает в свое повествование образ «главни» как следствие прямого восприятия библейского текста, как напоминание своим читателям событий далекого прошлого. Согласно Библии, никому, кроме Лота и его семьи, спастись не удалось, сожженные города оказались погребены на дне Мертвого моря. Следовательно, воскрешая в своем сочинении образ Содома и Гоморры, составитель «Иного сказания» вынужден был искать образ, с одной стороны напоминающий о страшной судьбе древних городов, а с другой — возводящий в символическом плане происхождение Лжедмитрия I к древним нечестивцам. Такой емкий образ был найден.

Однако это не единственное объяснение появления образа «главни» в историческом повествовании XVII столетия. Расширение контекста показывает, что в этом образе не столько заключена косвенная информация-напоминание, как были уничтожены погрязшие в беззаконии города, сколько содержится своеобразное предсказание грядущей судьбы Гришки Отрепьева. Уже в Библии в разных книгах разрушение Содома и Гоморры стало символическим и довольно устойчиво встречающимся примером того, что ожидает безбожников, погрязших в грехе и разврате нечестия. Например, эта мысль звучит и во Втором соборном послании святого апостола Петра «...и грады съдомъскіа и гоморьскіа съжегъ разореніемъ осуди, образъ хотящимъ нечествовати положивъ» (2: 6); и в Соборном послании святого апостола Иуды: «…якоже съдома и гомора, и окрестъныя ихъ грады подобнымъ их образом преблудивше, иходивше въслѣдъ плоти иныя, прележатъ впоказаніе огню вѣчному» (1: 7).

Поскольку одним из лейтмотивов всего повествования является дуальная идея «преступление-наказание» и, в частности, ее разновидность «идея Божьего наказания», то эта мысль, очевидно, в наибольшей степени приближает нас к пониманию особенностей мировоззрения составителя «Иного сказания».

Уподобив Гришку Отрепьева «Содома и Гоморы оставшей главне», составитель «Иного сказания» таким своеобразным способом указал на грядущую судьбу нового самозванца на российском престоле. Причем указание это носит и прямой и символический характер одновременно. Финал жизни Отрепьева в изображении составителя как раз и демонстрирует, и довольно прямолинейно, библейские предсказания. Мало того что он умирает страшной смертью: «… мечемъ и прочимъ убийствомъ, оружиемъ убиенъ бысть», «всяко влекомъ бяше исъ превысочайшихъ пресветлыхъ чертогъ своихъ по земли множайшихъ человекъ рукама», так что невозможно было «живаго и прямо лицу его зрети, не точию самому ему касатися» (58), так еще и после смерти его грешная душа и тело не сразу обрели пристанище.

На протяжении нескольких дней труп нагого Лжедмитрия I лежал на площади, выставленный на всеобщее поругание, к нему никто не прикасался, пока по прошествии некоторого времени его тело не выбросили в поле, а позже по приказу Василия Шуйского не сожгли. Вот как описывает этот момент составитель: Господь указал верному своему слуге Василию Шуйскому «того злого еретика ростриги … сожещи всесквернавое проклятое его законопреступничье тело, еже и бысть: сожженъ на месте, нарицаемомъ Котле, отъ града яко седмь поприщъ» (60—61). Еретик Гришка Отрепьев почти в точности повторил судьбу жителей древних городов — был уничтожен огнем.

Помимо этого, в тексте обнаруживаются совпадения и более частные. Согласно Библии, по истреблении городов Содома и Гоморры земля «*не засевается и не произращает*», «*и не выходит на ней никакой травы*» (Второзаконие 29: 23), то есть уничтожение беззаконных городов сопровождалось весьма странными природными явлениями.

Аналогичный прием использует и составитель «Иного сказания». Пока труп Лжедмитрия I лежал, обнаженный, на площади, не только люди, но и земля гнушались его: «… не точию человекомъ гнусно зрети нань, но самая та земля возгнушася, отъ нея же взятъ бысть» (59). Будучи выброшен в поле, «сын погибели» вызвал еще более странные природные потрясения: тут и земля «возгнушася на себе держати проклятаго … еретическаго трупа и аеръ ста неблагонравие плодити, облацы дождя не даша, не хотяще его злоокаяннаго тела омыти, и солнце не восия на землю огревати, и паде мразъ на всеплодие и отъятъ въ наю тука пшенична и гроздия» (59—60). Разрушительность, катастрофичность последствий для мира природы и для людского сообщества непогребения тела еретика, как видно из приведенного примера, очевидна, как очевидно и то, что составитель переосмыслил и расширил библейский образ

не произрастающей на месте гибели Содома и Гоморры травы, стараясь придать апокалипсический размах природным неурядицам, обернувшимся трагедией для людей.

Последняя деталь особенно любопытна, если сопоставить текст «Иного сказания» с иностранными источниками о русской Смуте. Например, капитан Маржерет[20] зафиксировал как исторический факт то, что после похорон Дмитрия неожиданно ударили жестокие заморозки и погибли посевы: «В первую ночь после убийства настал жестокий мороз, который продолжался 8 дней и повредил весь хлеб, деревья и даже луговую траву»[21]. Удручающее природное явление, сопровождающее похороны Лжедмитрия I и не имеющее реалистического объяснения, которые характерны в целом для «Краткого известия о Московии», описал и Исаак Масса[22]: «Когда тело Дмитрия убрали, в ту самую ночь в окрестностях Москвы содеялось великое чудо: все плоды, как злаки, так и деревья, посохли, словно они были опалены огнем на двадцать миль вокруг Москвы, и вершины и ветви сосен, которые все время, и зимой и летом, бывают зелеными, повысохли так, что жалостно было глядеть»[23].

Ссылаясь на слухи, распускаемые русскими, Петр Петрей[24] отразил в «Истории о великом княжестве Московском» еще более невероятные события, сопровождавшие, по выражению В. Ульяновского, «обряд/ритуал антисакрализации»[25] Лжедмитрия I. Мало того что на третью ночь, когда тело Отрепьева было выставлено напоказ на площади, «вышли из земли несколько свеч по обеим сторонам стола и горели»[26], что весьма ужаснуло сторожей, так еще и «в то время как переносили его, поднялся по всему городу неслыханно страшный вихрь, сорвавший кровли с нескольких церквей и башни с городских стен». Но и на этом странные события не закончились. «Когда похоронили Гришку и народ разошелся, — пишет П. Петрей, — на другой день труп опять очутился на месте у рва, а на нем сидят два живые голубя: когда приходил кто-нибудь, голуби улетали, а когда уходил, прилетали снова. Потому и велели сенаторы бросить его опять в яму, навалить в нее земли и закопать ее. Там и лежал он семь дней. Когда прошли эти дни, труп был найден опять в получетверти мили от кладбища. Весь народ в Москве испугался, что такие странные диковинки происходят с трупом: ”Это диво дивное, — говорили, — что тело не хочет оставаться в земле”»[27]. Воспроизводя все эти слухи, иностранный автор неоднократно замечал, что русские весьма охотно занимаются «такими лжами, баснями и сказками»[28] и оставлял на усмотрение читателя право верить или не

верить написанному. В одном он не сомневался: «Гришка убит, похоронен, опять вынут был из могилы и сожжен»[29].

Нечто подобное читается и в книге Конрада Буссова[30] «Московская хроника 1584—1613». В главе седьмой особое внимание уделяется «чудесным знамениям, которые происходили у тела Димитрия»[31]. Буссов последовательно описывает четыре чуда: появление у тела Лжедмитрия I огней из земли; возникновение ужасной бури в тех местах, где провозили по городу покойного, сорванные ветром Серпуховские ворота и крыша с башен ворот на Кулишке; появление возле тела Лжедмитрия I в Божьем доме голубей; неожиданное перемещение мертвого тела с одного кладбища на другое после похорон.

Оставляя в стороне вопрос степени достоверности происходящих событий, а также веры или неверия иностранцев в вероятность подобного, следует отметить нечто общее: и составитель «Иного сказания», и иностранные авторы зафиксировали странные природные явления, сопровождавшие ритуал расправы с Лжедмитрием I. Для нас важно следующее: если писатели-иностранцы описывают необычные природные явления либо как реальный факт, либо как чудо, либо как «басни» русских, либо, как Конрад Буссов, приводят разные точки зрения на странные метаморфозы с телом убитого Лжедмитрия I, то составитель «Иного сказания», нагнетая страх и ужас на своих читателей, выстраивает их в определенном иерархическом порядке, словно стараясь подчеркнуть их бесовский характер.

Надо заметить, правда, что данный фрагмент был заимствован составителем из «Повести, како отомсти...»[32] и «Повести, како восхити...»[33], а не явился оригинальным авторским прочтением образа. Но отсутствие подобных описаний в ряде других публицистических сочинений эпохи Смуты (в «Сказании о Гришке Отрепьеве», «Хронографе 1617 г.», «Временнике» Ивана Тимофеева, «Псковской летописной повести о Смутном времени», «Летописной книге» С. И. Шаховского и др.) и наличие в «Ином сказании» заставляет предположить, что составитель не случайно перенес текст предшественников в свою «официальную летопись»[34].

Данный фрагмент, будучи включенным в «Иное сказание», вновь заставляет обращаться к первоисточнику в поисках архетипических образов и сюжетных положений. И они действительно обнаруживаются. Так, в Псалтири читаем: «одождить нагрѣшники сѣти, огнь и жупелъ и духъ буренъ, часть чаша ихъ» (Пс. 10: 6); «положилъ есть рѣкъ впустыня <...> землю плодоносную вслятину, от злоб живущых наней» (Пс. 106: 33, 34). Таким образом, идея всеобщего «возгнушания» телом самозванца — от людей до всего мироздания — также

воспринята составителем, вслед за авторами вышеуказанных повестей, из Библии и реализована на фоне трагических российских событий эпохи Смутного времени.

Еще одна деталь обращает на себя внимание в тексте. Образ «главни» появляется в повествовании задолго до рассказа о сожжении Гришки Отрепьева. Составитель «Иного сказания» упоминает чудовищное сооружение, созданное Лжедмитрием I для «потехи» на Москве-реке. Сотворение Отрепьевым земного ада описывается как «знамение превечнаго своего домовища»: «адъ превеликъ зело, имеющъ у себе три главы. И содела обоюду челюстей его отъ меди бряцало велие: егда же разверзетъ челюсти своя, и извну его яко пламя престоящимъ ту является, и велие бряцание исходитъ изъ гортани его; зубы же ему имеющу осклаблене, и ногты яко готовы на ухапление, и изо ушию его яко пламень распалавшуся» (55).

Как и в случае с описанием природных катаклизмов, составитель «Иного сказания» полностью заимствует данный фрагмент из «Повести, како отомсти…» и «Повести, како восхити…». При этом в других произведениях эпохи Смуты также не было обнаружено фрагментов, включающих рассказ о странной крепости, построенной по приказу Лжедмитрия I. Более того, в текстах большинства иностранных авторов тоже отсутствует не только описание, но и упоминание о подобной постройке. Исключение, пожалуй, составляет «Краткое известие о начале происхождения современных войн и смут в Московии…» Исаака Массы.

Однако, в отличие от русских авторов, И. Масса, повествуя о пристрастии Лжедмитрия I к строительству учебных крепостей, описал совершенно иначе сооруженное на Москве-реке чудище: «Однажды повелел сделать чудище — крепость, двигавшуюся на колесах, с многими маленькими полевыми пушками внутри и разного рода огнестрельными припасами, чтобы употребить эту крепость против татар и тем устрашить как их самих, так и их лошадей; поистине это было измышлено им весьма хитроумно. Зимой эту крепость выставили на реке Москве на лед, и Дмитрий повелел отряду польских всадников ее осадить и взять приступом, на что он мог взирать сверху из своих палат и все отлично видеть. Ему мнилось, что эта крепость весьма удобна для выполнения его намерения. Она была весьма искусно сделана и вся раскрашена; на дверях были изображены слоны, а окна подобно тому, как изображают врата ада, и они должны были извергать пламя, и внизу были окошки, подобные головам чертей, где были поставлены маленькие пушки. Поистине, когда бы эту крепость употребили против таких врагов, как татары, то тотчас же привели бы их в

замешательство и они обратились бы в бегство, ибо это было весьма искусно придумано. Поэтому московиты прозвали ее чудищем ада»[35].

Сопоставление двух вышеприведенных текстов показывает различие не только стилевое, но и содержательное. Если И. Масса стремился к объективности описания сооружения, его повествование дает реалистичное представление о внешнем виде и устройстве «крепости», в тексте содержатся сведения о предназначении и возможном дальнейшем использовании этого сооружения, то русские источники не дают детального описания, позволившего бы представить и понять, что за сооружение было построено по приказу Лжедмитрия I. В них встречается исключительно условно реалистическое описание, являющее в большей степени символизм постройки, нежели действительное представление о ней. Очевидно, русских авторов, в отличие от иностранца, удивляла не сама техническая новинка, а символическое сходство с хорошо известными русскому обществу изображениями ворот ада.

Кроме того, говоря о возможных причинах включения символического описания крепости в русских текстах, и в частности в «Ином сказании», необходимо указать на текстовые параллели этого описания и описания момента сожжения тела Лжедмитрия I. Подводя итог рассказу о сооруженной крепости, составитель «Иного сказания», вслед за авторами повестей-первоисточников, замечает: «И постави его проклятый онъ прямо себе на Москве-реце себе во обличение, дабы ему исъ превысочайшихъ обиталищихъ своихъ зрети нань всегда и готову быти въ нескончаемыя веки въонъ на вселение и съ прочими единомысленики своими» («Иное сказание» — 55—56; «Повесть, како отомсти...» — С. 249; «Повесть, како восхити...» — Стб. 164). Изрыгающая адский огонь крепость знаменует собой в представлении составителя будущее вечное обиталище Лжедмитрия I. Фраза эта не только носит риторико-идеологический характер, но и отсылает читателя к финальному повествованию о судьбе Лжедмитрия I.

По приказу Василия Шуйского «того злого еретика ростриги (въ) преждевоспомянутый ему домъ, сотворенный имъ адъ ввергши, сожещи всесквернавое проклятое его законопреступничье тело...» (60—61). В данном случае составитель проводит параллель: Лжедмитрия I сжигают в некогда сотворенной им же крепости; ужаснувшее москвичей «чудище ада» становится в тексте не только провозвестником адского огня, в котором окажется после смерти «сын погибели», но и прямо реализует заданную в повествовании метафорику образа «главни».

Примечательно, что в некоторых русских публицистических сочинениях, посвященных событиям Смуты, в рассказах о посмертных манипуляциях с телом Лжедмитрия I упоминается факт сожжения тела еретика в им же сотворенном аде, но само описание «чудища ада» в повествованиях отсутствует. Например, в «Сказании о Гришке Отрепьеве» говорится следующее: «И извлеча его злосмрадный трупъ изъ града на площадь среди народу, и тутъ бысть поруганъ 4 дни, въ 5-й же день земше его и свезоша на поле, на Котелъ место, и тамо его и сожгоша въ его же умышлении, в древяномъ аде»[36]. Аналогичным образом описывает данный факт и С. И. Шаховской: «На четвертый ж день повеленно бысть боляры трупъ ево зжещи на всполии града во аде, его же самъ при животе своемъ сотвори»[37].

Составитель «Иного сказания», заимствовав из повестей-первоисточников описания и страшной смерти Лжедмитрия I, и странных природных явлений, сопровождавших его убийство, и сцены сжигания трупа еретика, ввел необходимый, организующий эти разрозненные фрагменты элемент — образ «Содома и Гомора оставшей главни», — превратив их в единый, исполненный глубокого смысла мотив, значение которого раскрывается через сопоставление с библейскими текстами.

Не случайно одной из отличительных особенностей повествования в «Ином сказании», раскрывающих авторское отношение, является наличие/отсутствие значимых образов-оценок при первичном упоминании имени того или иного исторического лица. Так, начиная рассказ о Борисе Годунове, составитель пишет: «и уподобися той Борисъ древней змии» (3), Лжедмитрий I — «Содома и Гомора оставшая главня» (17), Лжедмитрий II — «зверь … самъ отецъ лжи сатана … злобесный кроволакательный песъ или человекоядный зверь» (116—117), князь Дмитрий Михайлович Пожарский — «аки древний Гедеонъ» (127) и др.

На этом фоне значимым видится отсутствие подобных образов-оценок при упоминании имен Василия Ивановича Шуйского и Михаила Федоровича Романова, место которых занимают рассказ о древности рода Шуйского и Романова и указания на их родство, пусть и дальнее, с представителями древнейшей правящей династии на Руси (60; 129), что объясняется в первую очередь тем, что составитель «Иного сказания» воспринимал и позиционировал их как истинных царей, имеющих право на российский престол.

Для характеристики же самозваных, незаконных правителей, коронованных или претендующих на российский престол, избираются яркие и хорошо известные ветхозаветные образы, каждый из которых

имеет вполне определенное символическое наполнение и воспринимается в рамках обширного историографического повествования одновременно и как предчувствие-предвосхищение грядущего рассказа, и как оценка того или иного персонажа российской истории, проистекающая из знания событий Смутного времени. Подобный прием не является следствием особого авторского решения трактовки характера того или иного персонажа, в данном случае составитель «Иного сказания» руководствуется древнейшей литературной традицией создания образов исторических лиц.

С другой стороны, уподобление Лжедмитрия I «Содому и Гоморе оставшей главне» действительно является уникальным авторским сравнением. И дело здесь не только в том, что оно отсутствовало в исходных текстах — «Повести, како отомсти…» и «Повести, како восхити…», но и в том, что оно почти не встречается в других русских публицистических сочинениях.

Исключение составляет Третья редакция Хронографа (по спискам 1-го разряда третьей редакции), составленная на основе двух источников — второй редакции Хронографа и «Иного сказания», что было отмечено издателем А. Н. Поповым[38]. Разночтения оказываются незначительными: «И попусти на него врага, или глаголю Содома и Гомора оставшую главню, да пожжеть его со всѣмъ домомъ его, понеже ни царя ни человѣка но непогребеннаго мертвеца, чернца, по Ивана Лѣствичника слову: всякъ человѣкъ преже смерти умреть, гробъ себѣ келію обрѣтъ: сице бо попусти на него законопреступника ростригу Гришку Отрепьева»[39]. По сравнению с исходным текстом составитель третьей редакции Хронографа усилил огненную тематику, разъяснив метафору «главни» как пожелание всему дому Годуновых судьбы жителей нечестивых библейских городов. В данном случае метафора приобретает новое значение, отсутствовавшее в исходном тексте: Лжедмитрий I выполняет роль очистительного огня, сметающего с российского престола детоубийцу Бориса Годунова, при этом исчезает важный для текста «Иного сказания» смысл: метафора как предсказание грядущей судьбы самого Отрепьева.

В большинстве же русских текстов об эпохе Смуты, созданных как во время нее, так и после, образ «Содома и Гоморы оставшей главни» не упоминается. Более того, сравнение, употребленное составителем «Иного сказания», несколько выбивается из общей массы сопоставительных образов. Так, излюбленным русскими авторами сравнением является уподобление Отрепьева какому-нибудь животному. Например, С. И. Шаховской в «Летописной книге» уподобляет Отрепьева волку [«О волче хищный, ненасытимый!»[40]], псу[41]. Анало-

гичные образы обнаруживаются в Хронографе Сергея Кубасова: «О волче хищный, не насытимый», «ако песъ на царскій престолъ воскочи»[42]. И. А. Хворостинин в «Словесах дней, и царей, и святителей московских» именует Лжедмитрия I «неукротимым зверем»[43]. Дьяк Иван Тимофеев во «Временнике» то называет Отрепьева «скимен лют»[44], то патетически восклицает: «Весь сатана и антихрист во плоти явлься»[45]. В «Славянских и Русских летописных статьях второй редакции Хронографа» (По списку Московской Синодальной библиотеки № 135, XVII века) составитель замечает, что Лжедмитрий I «ядовитъ злобою, аки смертодыхателная скорпія»[46]. Согласно тексту «Хронографа 1617 г.» многие русские люди примкнули к мятежу — «от прелести кровояднаго лвичнаго щонка Розтриги, его же рехъ преже Григория Отрепьева»[47].

Не остается в стороне от этой литературной традиции и составитель «Иного сказания», уподобляя Лжедмитрия I в рассказе о второй брани при Добрыницах «кровоядному лвичищу» (32) и «сатанину угоднику» (33). Однако, в отличие от других авторов, составитель «Иного сказания» использует данные сравнения в процессе рассказа о деяниях Лжедмитрия I, не делая их своего рода заглавиями образа.

Довольно часто русские авторы называют Отрепьева «ложным царем», как, например, создатель «Псковской летописной повести о Смутном времени»[48], или вместо имени используют слова «еретик», «расстрига», как, например, автор «Сказания о Гришке Отрепьеве»[49].

Столь же устойчивы в русских текстах и исторические аналогии. Чаще всего Лжедмитрия I сравнивают с Юлианом Отступником, Фокой мучителем, Константином «Мотылоименитым» (Копронимом), Юлианом Законопреступником[50].

Иностранные источники о русской Смуте, вообще довольно скупые на сравнения, дают иной ряд сопоставительных образов. Так, Петр Петрей сравнивает Лжедмитрия I с Александром Великим: «…он был так горд, честолюбив и надменен, что, подобно Александру Великому, требовал себе уважения от своих служителей и подданных, приличного не императору, королю и государю, а Богу…»[51]. Элиас Геркман, повествуя о замене настоящего Димитрия подставным, вспоминает историю царя Нина, предоставившего «царскую власть на один день своей наложнице и рабыне Семирамиде»[52], и проводит между историями их жизни ряд параллелей.

Конрад Буссов завершает рассказ о Лжедмитрии I, рассуждая о природе власти и судьбе властителей, рядом библейских цитат и образов, порой со ссылками на конкретные библейские книги. Например, подводя итог страшному финалу жизни Отрепьева, К. Буссов

замечает, что, подобно Навуходоносору, Павсанию, Крассу, Помпею, Денисию, Ироду, Агриппе и т.д.[53], Господь посрамил возгордившегося Лжедмитрия. Вспоминая о помиловании мятежника Шуйского, воскрешает в памяти читателя историю, «как поступил царь Давид с мятежником Савеем»[54]. Наконец, в финале повествования о кончине Лжедмитрия I цитирует псалмы Давида, указуя на судьбу Отрепьева как на предостережение всем нечестивым властителям и начальникам[55]. И уж совсем странным образом К. Буссов вводит в контекст рассказа об убийстве Лжедмитрия I образ Иисуса Христа и образ евреев: «В этом покое они разыграли с бедным Димитрием действо о муках страстных нисколько не хуже, чем евреи с Иисусом Христом»[56]. Нечто подобное встречается и в «Летописи Московской» Мартина Бера: «Принесшіе Димитрія въ комнату, поступали съ нимъ не лучше Жидовъ…»[57].

На этом фоне использованная составителем «Иного сказания» метафора стоит особняком. В памятнике выстраивается своеобразная иерархия исторических лиц. Повествование открывается рассказом о Борисе Годунове, который, по мысли составителя, и положил начало Смуте, отсюда и значимое уподобление Годунова Адаму и змию из ветхозаветной истории грехопадения первых людей. Лжедмитрий I продолжил его «дело», он — нечестивец и самозванец, у которого в изображении составителя «Иного сказания» нет ни одной положительной черты. Поэтому он уподобляется жителям Содома и Гоморры. Его задумка искоренить православную веру страшнее помыслов о престоле и власти других самозванцев, мелких и крупных, и сулит, по мысли составителя, гибель и всего государства. Не случайно среди постоянных обвинений в адрес Лжедмитрия I в «Ином сказании» — упреки в намерении «Московское государство … до основанія разорити» (74).

Разрушение Содома и Гоморры, воспринимаемое составителем «Иного сказания» в традиционном библейском смысле как символ грядущей судьбы нечестивцев и как символ конца света, осложняется конкретным историческим материалом. Жизнь и смерть Лжедмитрия I подается по аналогии с судьбой жителей древних городов. Во многом судьба Димитрия Самозванца в тексте весьма напоминает символическую картину благоденствия и разрушения Содома и Гоморры из Евангелия от Луки: «яко же бысть въ дни лотовы, ядаху, піаху, куповаху, продааху, саждаху злаху, в онь же день изыде лот от содомлянъ, одожди камыкъ горящь, и огнь с небесе, и погуби вся, потомуже будетъ и в день, в онь же сынъ человеческіи явится» (Лука 17: 28—30). Точно так же и Лжедмитрий I: ел, пил, строил, женился … и в день,

когда задумал «радостный день Христова Воскресенія» «предложити въ день плачевный» (57), погиб, ибо «милосердный, въ Троицы славимый Богъ надъ нами и надо всѣми православнымъ христіянствомъ милость свою показалъ» (74).

Таким образом, введенный задолго до подробного рассказа о личности и деяниях мотив «Содома и Гоморы оставшей главни», оригинально ограничивший заимствованные из «Повести, како отомсти…» и «Повести, како восхити…» фрагменты, исполненный в рамках древней литературной традиции и реализовавший библейскую идею о неминуемости грядущего наказания нечестивцев на примере судьбы конкретного исторического лица, явился в тексте «Иного сказания» своеобразным индивидуально-авторским приемом организации повествования. Сопоставление русских и иностранных источников демонстрируют совершенно противоположные подходы к изложению событий эпохи Смутного времени. Если иностранцы стремятся к относительной объективности повествования, то русские авторы, в частности составитель «Так называемого иного сказания», во многом руководствуются в создании образов современной им политико-идеологической оценкой тех или иных исторических лиц и используют хорошо известные библейские образы как своеобразное клеймо, определяющее место и оценку конкретной исторической личности в российской истории.

Примечания

[1] Такъ называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Л., 1925. Изд-е 3. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссиею. Т. XIII. Вып. I. Стб. 17. Далее в статье текст цитируется по данному изданию, столбцы указываются в скобках, орфография упрощена.

[2] *Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л.* «Повесть, како отомсти…» — памятник ранней публицистики Смутного времени // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 244.

[3] Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престолъ Борисъ Годуновъ // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Л., 1925. Изд-е 3. РИБ. Т. XIII. Вып. I. Стб. 154.

[4] *Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л.* «Повесть, како отомсти…» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 231—254.

[5] Например, ветхозаветная история грехопадения Адама и Евы в рассказе о злодеяниях Годунова послужила основой повествовательной модели в главах, посвященных царю Борису, а образ змия предопределил ведущие мотивы в создании образа этого исторического лица. См. подробнее: *Туфанова О. А.* Интерпретация сюжета об Адаме и Еве в «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов…»

// Филологические науки. 2009. №3. С. 94—102; *Туфанова О. А.* О «древнем змии» или Борисе Годунове (на материале «Иного сказания») // Макариевские чтения. «Христианская символика». М.: Типография ЗАО «Бородино», 2009. С. 517—524.

[6] Библия. Острог, 1581. Здесь и далее библейские тексты цитируются по данному изданию.

[7] *Ульяновский В.* Смутное время. М.: Издательство «Европа», 2006. С. 363—365.

[8] Элиас Геркман — голландский поэт, проживавший в России при царе Михаиле Федоровиче и получивший известность после издания поэмы «Похвала мореплаванию». Опираясь на рассказы очевидцев Смуты, в 1625 г. создал «Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Димитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем». Первый раз в России сочинение Геркмана было издано по амстердамскому автографу 1625 г. Р. Минцловым на голландском языке в кн. «Сказания иностранных писателей о России, изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. Известия голландцев Исаака Массы и Ильи Геркманна» (СПб., 1868. С. 129—176) с присоединением русского перевода, выполненного К. Бестужевым-Рюминым. Отдельно перевод «Исторического повествования» был издан в кн. «Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени» (СПб., 1874). См. об этом: *Морозов Б.* Смутное время глазами русских и иностранцев // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 463.

[9] *Геркман Э.* Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Димитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 223.

[10] *Ульяновский В.* Смутное время. С. 316.

[11] Там же. С. 368.

[12] Ян Велевицкий (1566—1639) — католический священник из Кракова, описавший события эпохи Смуты на основании записей из дневника духовника Марины Мнишек ксендза Каспара Савицкого.

[13] Рукопись Яна Велевицкого // Записки гетмана Жолкевского о московской войне. СПб., 1871. Стб. 171.

[14] Там же. Стб. 171—172.

[15] *Ульяновский В.* Смутное время. С. 367—368.

[16] Там же. С. 319—321; 324.

[17] См.: Бытие (18: 20—21);. Послание к Римлянам святого апостола Павла (9: 29).

[18] См.: «Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре. Слушайте слово Господне, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский!» (Книга пророка Исаии 1: 9—10).

[19] См.: «И в пророках Самарии Я видел безумие; они пророчествовали именем Ваала, и ввели в заблуждение народ Мой, Израиля. Но в пророках Иерусалима вижу ужасное: они прелюбодействуют и ходят во лжи, поддерживают руки злодеев, чтобы никто не обращался от своего нечестия; все они предо Мною — как Содом, и жители его — как Гоморра» (Книга пророка Иеремии 23: 13—14).

[20] Жак Маржерет (1550-е гг. — после 1618 г.) — француз по происхождению, выходец из судейского сословия, профессиональный солдат-наемник. Служил французскому королю Генриху IV, позже — австрийскому, трансильванскому и польскому монархам. В 1600 г. завербовался на службу в Россию. В Москве командовал пехотной ротой. Участвовал в борьбе с Лжедмитрием I. С приходом последнего в Москву перешел на сторону самозванца, командовал отрядом иноземной стражи в Кремле. В сен-

тябре 1606 г. после вступления на престол Василия Шуйского вернулся во Францию, опубликовал свою книгу о Московском государстве — «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского». В 1608 г. возвратился в Россию и поступил на службу сначала к Лжедмитрию II, затем — к польскому королю Сигизмунду III. В марте 1611 г. участвовал в подавлении восстания москвичей против интервентов, в поджоге и разрушении Москвы. Осенью 1611 г. Маржерет навсегда покинул Россию. С 1612 г. и до конца своих дней исполнял роль французского политического агента в Польше и Германии.

[21] *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и великого княжества Московского // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 63.

[22] Исаак Масса (1587—1635) — голландский купец, происходивший из знатного итальянского рода, переселившегося в Голландию во время реформации; ученый, путешественник, картограф. В 1600—1609 гг. находился в Москве с торговыми целями, изучил русский язык, собрал большое количество материалов, освещающих события в России в конце XVI — начале XVII вв. В 1610—1611 гг. написал «Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии…», впервые опубликованное в России в переводе в 1874 г. петербургской археографической комиссией. В 1614 г. вторично был в России, в Москве и Архангельске. Помимо книги о Московии, на основе своих записей и зарисовок, сделанных в 1-ую и 2-ую поездки, Масса составил обширные карты России, впервые нанеся на них Соловецкие острова, сделав их известными Европе; две статьи о Сибири, которые вошли в число первых сочинений об этом крае в западноевропейской литературе. В 1620 г. перешел на шведскую службу и в составе уже шведского посольства дважды (1628 и 1634 г.) посетил Москву.

[23] *Масса И.* Краткое известие о Московии // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 221.

[24] Петр Петрей де Ерзелунд (1570—1622) — придворный историограф, шведский дипломат, агент личной канцелярии герцога-правителя Карла IX, четыре года прослуживший в Москве (к. 1601 — к. 1605), позже дважды приезжавший в Москву (1608 и 1611 гг.) в качестве дипломатического курьера. В 1613 г. Петрей стал очевидцем поражения шведской интервенции в Новгороде. В 1615 г. в Стокгольме вышла его книга «История о великом княжестве Московском» на шведском языке, в 1620 г. в Лейпциге (уже на немецком языке) состоялось второе издание книги, исправленное и дополненное, с приложением текста Столбовского договора.

[25] *Ульяновский В.* Смутное время. С. 376.

[26] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 315.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Конрад Буссов (1552 или 1553—1617) — немецкий наемник на русской службе. После неудачной попытки весной 1601 г. сдать Борису Годунову г. Мариенбург и Нарву переселился в Москву. По смерти Лжедмитрия I жил то в Угличе, то в Туле, то в Калуге, пока не присоединился к войскам Лжедмитрия II. По убиении последнего отдался под покровительство польского короля Сигизмунда III и вновь оказался в Москве в составе польского войска. В 1612 г. бежал в Ригу, откуда затем вернулся в Германию, где и умер в 1617 г. В 1612—1613 гг. написал на немецком языке с использованием латинских пословиц и изречений «Московскую хронику 1584—1613», авторство которой некоторое время приписывалось зятю Буссова, пастеру лютеранской церкви Мартину Беру.

[31] *Буссов К.* Московская хроника. 1584—1613 // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 75.

[32] Ср.: *Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л.* «Повесть, како отомсти…» — памятник ранней публицистики Смутного времени. С. 250.

[33] Ср.: Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престолъ Борисъ Годуновъ. Стб. 168.

[34] *Черепнин Л. В.* «Смута» и историография XVII века // ИЗ. 1945. Т. 14. С. 102.

[35] *Масса И.* Краткое известие о Московии // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 191—192.

[36] Сказание о Гришке Отрепьеве // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Л., 1925. Изд-е 3. РИБ. Т. XIII. Вып. I. Стб. 750.

[37] *Шаховской С. И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков. М.: Худож. лит., 1987. С. 380.

[38] *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 220.

[39] Там же.

[40] *Шаховской С. И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков. / Вступ. ст.д. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 376.

[41] Там же. С. 378.

[42] *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей... С. 293.

[43] *Хворостини И. А.* Словеса дней, и царей, и святителей московских // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков. / Вступ. ст.д. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 436.

[44] Временник Ивана Тимофеева / Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. СПб., 2004. С. 83.

[45] Там же. С. 84.

[46] *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей... С. 192.

[47] Из хронографа 1617 года // ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. / Вступ. ст.д. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 330.

[48] Псковская летописная повесть о Смутном времени» // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков. / Вступ. ст.д. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 146.

[49] Сказание о Гришке Отрепьеве // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Л., 1925. Изд-е 3. РИБ. Т. XIII. Вып. I. Стб. 722, 723 и т.д.

[50] См. об этом подробнее: *Антонов Д. И.* Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. С. 99—100.

[51] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. С. 314.

[52] *Геркман Э.* Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском... С. 228.

[53] См.: *Буссов К.* Московская хроника. 1584—1613. С. 77.

[54] Там же. С. 78.

[55] Там же. С. 79.

[56] Там же. С. 65.

[57] *Бер Мартин.* Летопись Московская, с 1584 года по 1612 // Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 1. СПб., 1831. С. 84.